

УДК 070

DOI: 10.17223/19986645/38/14

А.В. Мезенцева

ПРОВОКАЦИОННЫЙ ДИСКУРС КАК АЛЬТЕРНАТИВА СОЦИАЛЬНОМУ ДИАЛОГУ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ

В статье исследуется трансформация коммуникативной структуры публикаций «топовых» – по версии сайта «Медиалогия» – российских журналистов. В результате структурно-функционального и семиотического анализа текстов выявляется тенденция к минимизации текстовых структур диалогового взаимодействия с аудиторией. Доминирование конструкций монолога, базирующихся на презентации субъективных оценок и суждений авторов, демонстрирует дисфункцию роли журналистики в достижении общественного согласия.

Ключевые слова: диалоговая коммуникация, монолог, позиция аудитории, социокод, интертекстуальность, самопрезентация автора.

Социальный диалог является эффективным средством объединения различных точек зрения по вопросам повседневной жизни, придания динамики их обсуждению, активизации обратной связи между участниками публичной коммуникации. Социальная роль журналистики изначально предполагает наличие гибкой стратегии направленности ее участия в общественном диалоге.

Журналистами-практиками признается необходимость отклика со стороны аудитории, «...с тем, чтобы, используя полученные данные, корректировать "повестку дня", методы работы, формы подачи материала и, следовательно, полнее удовлетворять потребности и запросы аудитории» [1. С. 135]. Но, как верно заметил Е.П. Прохоров, «достаточно ли этого, чтобы признать, что СМИ живут в прокламируемом «Договором об общественном согласии»... «режиме диалога», суть которого в поиске точек соприкосновения и общих позиций?» [2].

Убежденность в том, что диалог СМИ и аудитории относится к числу важнейших задач российской журналистики, выражена в работах многих отечественных исследователей [3–7].

Современные информационные технологии создают новые перспективы для установления контакта между журналистом и аудиторией. Однако меняются условия диалоговой коммуникации, вызванные избыточностью информационных потоков и разнородностью аудитории. Озабоченность тем, что текстовые структуры диалогового взаимодействия с аудиторией заменяются доминированием в медийном пространстве личностных точек зрения, выражаемых в специфической форме, высказана многими теоретиками и практиками [8, 9]. Эти процессы дали повод профессору Тюменского государственного университета Н.Н. Белозеровой говорить о дискурсивной избыточности содержания информационных потоков, «поскольку на первый план выходит

речевое событие... при этом зачастую приносится в жертву качество представления информации» [10].

Один из возможных ответов на вопрос о степени такой «дискурсивной избыточности» получен в результате анализа 25 материалов современных отечественных журналистов, попавших в ТОП-20 самых цитируемых российских журналистов за 2014 – начало 2015 г. по версии информационно-аналитической системы «Медиалогия» [11]. Были отобраны материалы, получившие наибольшее количество откликов аудитории в форме «лайков», комментариев и «репостов» в социальные сети. Внимание журналистов обращено к событиям повседневной реальности: война на Украине, обнищание населения, ЕГЭ, поставка медикаментов, взаимоотношения церкви и общества, санкции, теракты и др. Раскрытие тем сопряжено с их актуальным звучанием в контексте современных экономических, социальных и политических процессов, безусловно, интересных не только авторам, но и потенциальной аудитории.

Жанровыми предпочтениями «топовых» журналистов в раскрытии социальных тем является активное обращение к информационно-аналитической колонке, экономическому обозрению, информационному репортажу, которые предполагают большую выраженность авторского начала, что, очевидно, и легло в основу их «трендовости» как один из критериев попадания в число «топовых» публикаций. Какова же модальность обращения авторов к своей аудитории?

Исходным аргументом для ее выявления может служить концепция теории коммуникативистики, которая рассматривает диалог как информационную, дискуссионную, коммуникативную интеракцию, задачей которой является максимально полное раскрытие своих намерений и аргументов. Подлинный диалог должен соответствовать формальным требованиям, одним из которых следует назвать организацию отношения взаимодействия с читателем как равноправным и уважаемым субъектом. В творческом процессе журналиста средствами актуализации внимания публики становятся темы и проблемы, удовлетворяющие общественным запросам. Именно они приглашают аудиторию принять участие в диалоге. Авторским приемом активизации аудитории, как реальной или предполагаемой, выступают структуры текста: тезис – антитезис, вопрос – ответ, прием прямого обращения, ввод читателя как предмет изображения в материале. Если классическая публицистика к аудитории обращалась в словосочетаниях «мой проницаемый читатель», «милостивые государи», «любезный читатель», «человек», то в материалах «топовых» журналистов прослеживается четкая градация между ними и теми, кто явно уступает им по моральным качествам, интеллекту и эрудиции.

Итак, к кому обращаются авторы? Экономический обозреватель «Новой газеты» Юлия Латынина в материале «Осытенили» видит перед собой представителей **племени маринг Папуа-Новой Гвинеи**: *...значительное количество простых россиян – те самые 85% «Крымнаш» – живут на очень простом пищевом уровне, недалеко ушедшем от героев исландских саг и новогвинейских маринг* [12]. Олег Кашин в статье «За советы без большевиков: возможен ли сейчас антипутинский русский национализм?» предполагает, что читатель **реднек и сволочь**: *Русского реднека вывело государство, оно*

же попыталось вывести и пророссийского интеллигента, но тут что-то пошло не так... в любом случае выйдет сволочь какая-то [13].

По версии Андрея Колесникова, первого заместителя главного редактора журнала «The New Times», это **провластная аудитория**, которая *испытывает оргазм от неприличной военной риторики*» в материале «Бомба от председателя [14]. В репортаже Ивана Давыдова из олимпийского Сочи «Другая, другое, другие, другой: заметки из Сочи» – это **толпа**, которая ничем не отличается от оппозиционеров: *Улыбки, всеобщее счастье, ощущение причастности к событиям, которые сегодня кажутся невероятно важными, а завтра, возможно, станут бессмысленными... Где-то я уже видел такую толпу приятных и позитивных людей. Конечно, да. Первая Болотная* [15].

Нередко автор идентифицирует своё «Я» с образом читателя или той социальной группой, интересы которой он якобы представляет. Обозреватель делового интернет-издания «www.slon.ru» Олег Кашин в публикации «Обнаружить себя рядом с братьями Куаши» пытается занять позиции сразу двух поколений читателей: 21-летней давности *Мне 21 год, я, вероятно, типичен; сижу у телевизора с пивом*. Современный же россиянин представляется прототипом братьев Куаши – представителей радикальной исламистской группировки: *Россия, несмотря на командированного в Париж министра Лаврова, обнаруживает себя на стороне тех мужчин с автоматами... Это смутное чувство, что наше место по праву – в первых рядах парижского марша, а мы почему-то оказались рядом с братьями Куаши* [16].

Общение с аудиторией осуществляется и «напрямую», что, видимо, должно сократить коммуникативную дистанцию до степени интимной причастности. В публикации «Как не быть сексистом в России» на информационном сайте «Медуза» от 19 марта 2015 г. речь идет о проявлениях дискриминации по половому признаку в России. Это «пособие» вызвало оживленные дискуссии в медиапространстве, так как ссылка в Twitter на материал сопровождалась заголовком: *Мужики, тут инструкция, как не обижать телочек* [17].

Лишив свою аудиторию былой активности и ценности, наделив ее нелицеприятными характеристиками, журналисты выстраивают диалог на явном авторском доминировании, построенном на умышленном нарушении норм взаимодействия, что, по мнению отечественного специалиста в области психолингвистики и лингвopsихологии А.А. Романова, не ведет к результирующему эффекту совместной деятельности [18].

Уже не скрываемые намерения авторов публикаций выражены и в прямой модальности обращений к аудитории – в целевой установке речи и апелляции к эмоциональному восприятию информации. Это намеренная императивная форма подачи информации в обращении Ю. Сапрыкина в статье «Было времечко лихое: почему не надо бояться возвращения в 90-е»: *...не дайте себя обмануть: она (власть) родом из горящего Белого дома, из бомбежек Грозного, из залоговых аукционов и взорванных домов в Москве, ее корни именно там, все хорошее и все плохое, что она умеет, появилось именно тогда* [19]. Основатель газеты «Коммерсант» Владимир Яковлев на своей странице в Facebook прописывает рецепт поведения: *Уезжайте и, главное, увозите де-*

тей из России, где в скором времени, по его прогнозам, случится социальный кризис или смена власти [20].

То есть «провластная аудитория», ради которой расточают свои таланты журналисты, изначально поставлена ими в позицию, не предполагающую полноценного диалога. Такая своеобразная конвенциональная антиобразность, когда аудитория заранее поставлена в подчиненную позицию, обусловливает и специфическую аргументацию в конструкции самого текста, а нелестную для аудитории диспозицию в предлагаемом диалоге должен компенсировать тот «избыточный» дискурс в его логическом, эмоциональном насыщении.

Авторы произвольно расширяют область дискурсов, включая в ее структуру – помимо новостного – исторический, политический, религиозный, литературный и маргинальный. С одной стороны, это рассматривается как демонстрация фактического разнообразия, интеллектуальной широты взглядов авторов. С другой – рассчитана ли такая множественность дискурсов на упрощение проблемы и способствует ли уменьшению усилий аудитории для восприятия сообщения?

«Дискурсивная избыточность» воспроизводится на планктоне типичных, популярных, порой незамысловатых социокультурных конструктов, ориентированных на взаимопонимание с аудиторией. Одним из таких конструктов выступает социокод, введенный впервые М.К. Петровым для обозначения способа фиксирования программ социального поведения, общения и деятельности [21]. Коммуникативная функция социокода определена тем, что он представляет собой «основную знаковую реалию культуры, удерживающую в целостности и различии фрагментированный массив знания, расчлененный на интерьеры мир деятельности и обеспечивающий институты общения» [21. С. 39]. То есть, выступая в качестве «знака» объединения смысловых полей коммуникантов, социокод выполняет функцию социокультурной навигации в системе публично выражаемой рефлексии авторов. При анализе 25 материалов «топовых» журналистов был выявлен ряд типичных инвариантов социокода, которыми оперировали журналисты: прецедентные феномены со сферой-источником – политика («пятая колонна», ватник, КГБ, Наполеон Бонапарт), субкультурные дискурсы (пацанские прелести, мочили штаны), стереотипные ситуации («вождь» в отношении современного лидера страны), концепты (продразверстка, георгиевская ленточка). Эти инварианты известных социокодов являются специфической семиосферой аргументации, нагруженной негативной коннотацией.

Для журналистов характерно широкое и вольное употребление интертекстуальных элементов с целью более выразительного экспрессивного выражения индивидуализированной позиции. Представляя собой автономные смысловые блоки, интертекстуальные вкрапления апеллируют к интеллекту, памяти и культуре читателя. В процессе интерпретации актуального события авторами привносятся известные аудитории культурные, социокультурные знаки и когнитивные элементы. Именно они придают социальную значимость материалу. В зависимости от контекста, в который погружены интертекстуальные включения, возможны два варианта прочтения смысла текста: когнитивное взаимодействие или коммуникативное столкновение. В творче-

стве современных журналистов зачастую когнитивное взаимодействие используется для достижения обратного эффекта – коммуникативного столкновения со стереотипной позицией аудитории.

Наиболее часто журналистами актуализируются прецедентные феномены, непосредственно связанные с недавней отечественной или мировой историей. По мнению культуролога М.А. Араповой, такие культурологические элементы, «реминисцирующие с «идеальным» именем, ситуацией», как правило, выступают приемами создания имплицитного смысла [22]. В номинации явлений реальной действительности, в освещении вопросов внешней политики Российского государства, его позиции современными журналистами уделяется большое внимание художественным приемам в интертекстуальной структуре журналистского произведения. В качестве одного из примеров в репертуаре этих средств рассматриваются прецедентные имена и названия городов, восходящие к субсфере войны и используемые в метафорическом значении. Например, коннотативное употребление имени Виктора Талалихина – советского военного летчика, впервые применившего таран в воздушном бою, использует в явном негативном значении политический журналист Михаил Зыгарь в материале «Выбор Виктора Талалихина. Чего на самом деле добивается Владимир Путин» в деловом интернет-издании «slon.ru» [23]. Во-первых, прием апелляции к недавнему историческому прошлому позволяет представить президента как героя: *Путин сейчас, очевидно, как летчик Талалихин – его тактика все время идти на обострение, до тех пор, пока враг не испугается и в панике не свернет штурвал*. Во-вторых, имплицитный смысл становится понятен, когда автор приводит историческую справку, обесценивающую такой героизм первого лица государства: *В реальной истории настоящий Виктор Талалихин действительно совершил один воздушный таран. И погиб в очередном бою, когда ему было 23 года*.

Смыслообразующее взаимодействие информационного и исторического дискурсов прослеживается и при обсуждении нестабильной ситуации последних лет на Украине, но делается это для сенсации. Осуждение частью российского общества деятелей культуры, выразивших поддержку новому политическому режиму на Украине, позволило М. Зыгарю представить общую атмосферу недовольства, используя образ конкретной личности. К примеру, в статье «Ген травли. Как обличают творческих людей в России» это деятельность А.А. Жданова, причастного к репрессиям многих представителей советской творческой интеллигенции: *Все вокруг рассуждают о Сталине и напрасно забыли о Жданове, нашем вечном коллективном Жданове. Вот кто на самом деле всегда живой – и никуда от нас не денется* [24].

Исторический дискурс функционирует на аллюзии, когда автор апеллирует к культурологическим и историческим познаниям аудитории. На страницах «Новой газеты» в материале Ю. Латыниной «Украинская буржуазная» прецедентные имена европейского происхождения как знаки революции помещаются в новый контекст и выполняют функциональное назначение проекции готовой ситуации на реальную: *...в Украине случилась буржуазная революция, точнее, она началась, потому что настоящие буржуазные революции обычно имеют несколько итераций: и за взятием Бастилии следует поход в Тюильри, сентябрьские убийства, Термидор и так далее. В Украине*

вот уже своя Вандея наметилась – в виде полуострова Крым, и с изрядной помощью восточного соседа [25]. В экономическом обозрении этого же автора под заголовком «Навстречу продразверстке» регулирование цен на продукты обосновывается концептом «продразверстка», закрепившем за собой негативные представления об определенном периоде отечественной истории. Авторская оценка строится на избирательном показе явлений, маркированных такими характеристиками, как страх и жестокость: *С точки зрения экономики обвинения в том, что «враги народа» куда-то подевали продукты, является следствием регулирования цен. Но с точки зрения власти, помешанной на сохранении контроля над обществом любой ценой, борьба с целым новым классом врагов, прячущих от народа продукты, может стать целью, для которой цены и регулируются»* [26].

При освещении темы вхождения острова Крым в состав России «топовые» журналисты заменяют факты личностными суждениями, которые выражены в метафорах «аннексия» и «аншлюс», и это придает событию неоднозначную оценку. Например, на основе трансформации известного выражения В.К. Плеве, произнесенного перед началом русско-японской войны, как это сделала Ю. Латынина: *Владимир Путин в ходе маленькой победоносной аннексии показал, что он мастерски умеет эксплуатировать все слабые места противника и все темные инстинкты народа* [27]. Методом сравнения действий современной России и Германии 1918 года «аншлюс» трактуется И. Давыдовым как изменение мирового порядка: *Сейчас, конечно, все ушли на Крымскую войну, и нет для россиянина дел, важнее наметившегося аншлюса* [28].

Семантическая экспликация образа-символа централизованной политической власти и ее иерархии – Московский Кремль – рассматривается журналистами без учета «подлинных» архетипических в общепризнанных значениях терминов. Такой комплекс знаков, связанный с социокodem «Кремль», как президент, его окружение, указы и законы, политический режим, по-новому встраиваются в идеологические и политические контексты. Погружение в иной коннотативный ряд осуществляется с целью осмеяния, развенчания политики и идеологии. Так, прослеживается градация в характеристиках президентской администрации в работах Ю. Латыниной. Представители Кремля изображены автором как безликая масса, которая лишь обитает – *сытые обитатели Кремля* [12], затем ставится знак равенства между Кремлем и исламистами: *Кремль решил подражать исламистам, которых, как известно, со всех сторон атакует растленный Запад*, и в завершение вводится емкая метафора болезни, симптомами которой являются психическая и физиологическая зависимость: *Как наркоману требуются все большие дозы наркотика, так Кремлю, чтобы удержать рейтинг, потребуются все большие дозы «борьбы»* [26]. Ю. Сапрыкин использует презрительный в кругах патриотов и сторонников политики Кремля стереотип «вашингтонский обком», что вызывает сомнение о самостоятельности российской политики: *Сегодняшний страх возвращения в 90-е – это не только страх перед голодом и обнищанием, перед тем, что все растащат и разворуют, а в Кремле засядут эмиссары вашингтонского обкома* [19].

Когда речь идет о политической жизни, контакт с аудиторией выстраивается с помощью незатейливых приемов: употребление концептов и стереотипов с исходными понятийными сферами «игра» и «спорт». В смешение политического и спортивного дискурсов в соответствии с коммуникативным намерением автора отчетливо прослеживается снижение темы. Так, например, М. Зыгарь для оценки деятельности президентской команды вводит метафору салонной игры «испорченный телефон». Как следствие создается новая характеристика вертикали власти с противоположной аксиологической маркировкой: *При этом обитатели Кремля и их окружение за долгие годы научились угадывать ход мыслей шефа и даже реконструировать его логику. Иногда, правда, они добавляют много отсебятины, но отличить, где угадано верно, а где возник испорченный телефон, уже невозможно* [23]. Известный футбольный прецедент «игра без зрителей» позволяет подчеркнуть наличие каких-то тайных сценариев в поведении президента России в статье главного редактора телеканала «Дождь» М. Зыгаря «Мюнхенский смех. Почему Путин больше не поедет на Запад»: *В былые годы он не ходил на футбольные матчи, где победа российской сборной не была гарантирована. Теперь он сам себе игрок и играет только дома и только при пустых трибунах* [29].

Политические тайны, сфера частной жизни членов администрации президента, смена лидирующих позиций, подковерные интриги и иные знаменитости, актуализирующие социокод «Кремль», становятся сферами мишенями в руках журналистов. Вникая в тонкости политической жизни, «топовые» авторы, пытаясь узреть интриги, помещают события в метафорический интертекстуальный слой «тайны кремлевского двора». Погружение текста в стихию дискурса беллетризации существенно осложняет диалогическое взаимодействие. Так, для политического журналиста Олега Кашина закрытие молодежного форума «Селигер» и судьба курирующего его федерального ведомства имеет ореол «государственной тайны» [30]. Опираясь не на факты, а на собственные суждения, автор пытается развернуть интригу вокруг концепта «кремлевская тайна» на основе следующей коннотации: «массовка», «перевербовка», «законспирированная нацистская сеть внутри оппозиции». По законам жанра Кремль предстает перед читателями как злодей, запутывающий улики: *То есть шесть лет Кремль на важнейшем для себя направлении крайне легкомысленно вкладывался непонятно во что... Просто не было никакого провала, нам показалось... Форума «Селигер» больше нет, но он не упразднен и не ликвидирован – он просто перешел на подпольное положение. Возможно, только для этого он и был придуман.*

Ивана Давыдова [31] интересует тайная переписка «кремлевского чиновника Тимура Прокопенко», опубликованная в сети: *Выложенная в сеть переписка как раз и позволяет понять, какой смысл вкладывают в Кремле в красивый латинский глагол — «курировать».* Интрига подводится под индексный знак «курировать», а в собственных выводах автора приводятся составляющие знака: «обсуждает фабрикацию уголовных дел против оппозиционеров, дает полезные советы журналистам», «помогает написать идеологически верный пост», дает «советы полицейским в регионах – кого и как из приехавших московских оппозиционеров правильно арестовывать» и т.д. Чтобы у внимательного читателя предположения автора не вызвали сомнения,

И. Давыдов в качестве главного доказательства апеллирует к авторитету – генеральному директору холдинга РБК Николаю Молибogu, который «прямо подтвердил подлинность переписки».

Приписывание автором себе более высокого мнимого статуса сопряжено с апелляцией к вещам, которые не всегда могут быть четко интерпретированы аудиторией. Например, в целях осмеяния и развенчания образа России как успешно развивающегося государства журналисты обращаются к ресурсам мифологии и литературы. Объектом иронического осмысления, например, в репортаже Ивана Давыдова становятся Олимпийские игры в Сочи. Автор дискредитирует положительный имидж России, используя прецедентный феномен восточнославянского мифологического знания для описания особенностей олимпийского меню на борту самолета: *В меню – севрюга, лосось, тарталетка с икрой. Это в эконо-м-классе. В бизнесе, наверное, печень птицы Гамаюн. Хотя в бизнесе никого нет*. Образ «Гамаюн» используется для обличения необоснованного расточительства и создания мифического благосостояния, щедрости и дружелюбия России [15].

Определив, что для целевой аудитории главное лишь «нажраться» [10], «топовые» журналисты освобождают себя и от логически выверенной аргументации. Не случайно в экономическом обзоре «Осытнели» Ю. Латынина апеллирует к фантастической повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», что позволяет указать на истинные цели уничтожения санкционных продуктов – управление населением: *Это когда кадавр профессора Выбегалло наелся, у него появляются высокие духовные потребности – например, часы за 620 тысяч долларов. А когда кадавр голоден, его интересуют только свежие парные трубы* [12].

Вместо последовательного представления фактов острейших политических потрясений на Украине авторы преподносят аудитории прецедентные феномены, которые восходят к религиозным текстам. Центральные фигуры тоталитарного режима, заведомо носящие негативную коннотацию, помещаются в библейские контексты и наделяются сакральными смыслами. Формирование такого аддитивного материала с новыми смыслами есть не что иное, как игра, построенная на оскорблениях чувств верующих. К примеру, Иван Давыдов использует прием лексической трансформации фразы «Христос Воскрес!» символизирующую благую весть – *«Гитлер Воскрес»* в статье «Мои пять копеек: осквернение и воскресение», или *«Не Гитлером, как говорится, единым жива Россия»* – фраза Моисея в Ветхом Завете «Не хлебом единым жив человек» [32]. Этот же автор, рассуждая о политическом строе, обращается к библейским аллюзиям: *Это не каждому дано: увидеть, как слово становится вещью. «Полицейское государство». Два незначащих слова из учебника, которые у нас на глазах обростали плотью, опраивали шлемы и под бодрый рокот мегафона – «освободите проезжую часть» – ломились на тротуар, хватать людей, волоочь и упаковывать* [33].

В ироническом ключе преподносятся скептически оцененные реанимированные архетипы, входящие в социокультурный код российской нации. Не представляя, что означает словосочетание «духовные скрепы», журналисты предлагают свои инварианты этих скреп. По версии Ю. Латыниной, ей стал санкционный продукт: *Это распоряжение явно было отдано потому, что*

*Кремль, взбешенный тем, что вражеский пармезан, как крот, проник-таки за наши духовные скрепы, приказал сжигать его [12]. Ю. Сапрыкин предлагает несколько вариантов: Олимпиада с необоснованными расходами: *Наверняка мы будем вспоминать Олимпиаду как гигантскую скрепу – точку, в которой сосредоточились все усилия, карту, на которую было поставлено все* [34]; ядерное оружие: *Неприятная правда заключается в том, что ракета и есть окончательная скрепа, обеспечивающая, выражаясь на языке власти, суверенитет России* [35].*

Не брезгают журналисты и подменой фактов своими вымыслами: используют символичные модели «цветных революций» для характеристики противостояния оппозиции и законной власти в мирное время. Семисфера «оранжевой революции», актуализирующая недавний социальный опыт, используется как провокационный маркер несуществующей революции в материале «Мои пять копеек: чудо воплощения, лозунги текущего момента и ценность молчания» И. Давыдова. Заранее предупреждая лишь о собрании двух десятков людей по случаю несогласия с вынесением приговора оппозиционеру, автор погружает читателя в цветовую гамму рабочей формы дворника: *Еще двое сидели на заборе: смуглый дворник в революционном оранжевом комбинезоне и странный бородач в вязаной шапочке* [36]. Акцент на колористике используется и в материале «Мои пять копеек: осквернение и воскресение». Сочетание черного и красного цветов на флаге Украины становится опознавательным знаком поддержания фашистского режима. Диссонанс представлений возникает, когда автор сознательно называет людей, ратующих за возвращение фашизма братьями: *Не без помощи наших украинских друзей в черно-красных нарядах мы это слово нашли. Теперь все, что Россия делает и в собственных границах, и вне их пределов, делается ради борьбы с фашизмом* [32].

Логически выверенная аргументация, приемы литературно-художественного выражения негативной оценки, присущие русской журналистике, уступают нелегитимным в культурном менталитете формам оценочных суждений. Журналисты осознанно обращаются к табуированным общественными нормами и моралью темам и ресурсам «красноречия», например, для обозначения бессилия европейских государств перед Россией. Ю. Латынина употребляет политические клише «политическая импотенция» и «партия жуликов и воров»: *Все кончилось в один миг — в прошлую пятницу, когда Евросоюз, несмотря на всю свою импотенцию, ввел санкции, и оказалось, что ни один человек — даже из собственной Януковича партии жуликов и воров — не согласен рисковать награбленным и хранящимся в западных банках добром ради Януковича* [25].

Маргинализируя устоявшиеся в общественном сознании и представлении социальные явления, авторы нашумевших публикаций провоцируют «нормальность» дискурсов облыжного отрицания и умаления социальных ценностей. Развитие технологических средств коммуникации инкорпорировало в массовое общественное пространство субкультурные дискурсы, до этого остававшиеся прерогативой лишь посвященных. Информационное пространство отныне формируют новые социокоды — социокоды саморепрезентационной культуры. И это обстоятельство тоже усложняет диалоговые формы.

Журналисты часто используют провокационную форму аргументации, которая, как правило, содержит негативную оценку ситуации. При этом авторы позиционируют погружение аудитории в социокоды криминальной субкультуры. В материале Евгении Альбац «Борьба за Путина» в интернет-издании «Новое время» окружение президента сравнивается с организованной преступной группой: *...пришло время оставить эти пацанские прелести вроде «своих не сдадут» и вспомнить, что на кону вещи поважнее – страна. И что от этого выбора зависит и его, Путина, будущее. Потому что пацаны ему его мягкотелости и прогиба, как они считают, перед Западом, все равно не простят и рано или поздно вцепятся ему в глотку* [37]. Те или иные субкультурные коды требуют обличения в определенные лексические структуры, которыми являются жаргонизмы и арг. Но для журналистов становится мало лишь прочтения материалов, необходимо, чтобы читатель заметил маркеры субкультур. Поэтому активно используется графикация – такой способ словообразования, при котором в качестве словообразовательного оператора выступают графические и орфографические средства: использование знаков препинания (многоточия), замена букв в слове звездочками или полная замена слова звездочками, слеш (косая черта); ненормативная лексика. Как правило, такие формы отступления от норм литературного языка находят свое место в репортажах о народных акциях, памятных событиях отечественной истории. Осознавая административную ответственность за использование ненормативной лексики, журналисты помещают ее в формы комментария от самого участника празднеств с целью придания экспрессии. Наиболее яркий пример – репортаж специального корреспондента «Медузы» Ильи Азара с митинга в честь первой годовщины присоединения Крыма и Севастополя [38]. На вопрос корреспондента о негативных последствиях присоединения Крыма *один из мужиков распахнул куртку, из-под которой показалась майка с двумя человечками, занимающимися сексом в позе «сзади», и текстом «Я **** ваши санкции»*; другой ответил *«А нам насрать!»*, а при уточнении, что крутого в России, респондент предложил версию *«Что всех нах*й посылает!»*. Конечно, такая форма предоставления информации направлена на изначальное согласие определенной группы читателей, возможных носителей этой культуры, с мнением автора. Кроме того, такие материалы привлекают внимание широким использованием маргинального культурного кода, а демонстрация своего «эталона» культуры вряд ли может восприниматься образованной аудиторией как знак объединения. Следовательно, выбор такой конфигурации – это проявление позиции автора в виде эпатажа. Исследователем Е.А. Рогалевой такой эпатаж объясняется как явление постмодернизма, суть которого – «столкновение культурных норм» и рождение нового мировосприятия [39. С. 32].

Таким образом, анализ наиболее заметных материалов «топовых» журналистов дает основание полагать, что погружение аудитории в дискурсивную избыточность не способствует установлению диалога. Демонстрация личностных позиций и субъективных оценок журналистов построена на умалении интеллектуальных качеств аудитории. Ситуация усугубляется и тем, что отдельные материалы «топовых» журналистов одновременно являются лакмусовой бумагой информационных потоков современного медиaprостранства.

К тому же эти журналисты представляют крупнейшие независимые общественно-политические издания, рассчитанные на широкую читательскую аудиторию [40, 41, 42]. Это дает основание полагать, что основной целью журналистских выступлений является не диалог, направленный на взаимодействие, а монолог с провокационной формой самопрезентации. Выступления, очевидно, рассчитаны на понимание, но бесконечная провокация и нарушение норм приводят к коммуникативному рассогласованию, следовательно, это может спровоцировать отказ от «трендовых» авторов. Подобные материалы – типичная ситуация и показатель отступления от канонов диалогового взаимодействия ради достижения общественного согласия.

Литература

1. Платонова Д.В. Информационное участие и формы его реализации в СМИ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2011. № 1. С. 131–141.
2. Прохоров Е.П. Диалог как основа участия журналистики в формировании толерантного общества [Электронный ресурс] // Толерантность – гармония в многообразии [Офиц. сайт]. URL: <http://www.tolerance.ru/Dialog-kak-osnova.php?PrPage=SMI> (дата обращения: 10.06.2015).
3. Кудинова Л.В. Автор – текст – аудитория: проблемы диалога в публицистике: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 156 с.
4. Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / под ред. М.Н. Кожин. 2-е изд., доп., испр. СПб., 2012. 274 с.
5. Мансурова В.Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. Барнаул, 2002. 237 с.
6. Олешко В.Ф. Моделирование в журналистике: теория, практика, опыт: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 196 с.
7. Калмыков А.А. Интернет-журналистика в системе СМИ: становление, развитие, профессионализация: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 362 с.
8. Проблематика периодической печати: учеб. пособие / под ред. Г.С. Вычуба, Т.И. Фроловой. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2008. 112 с.
9. Джазоян А. Монолог прессы или диалог нации [Электронный ресурс] // Союз журналистов России. 2012. 27 дек. URL: http://www.ruj.ru/_ruk_articles/ashot_dzhazoyan/monolog_pressy_ili_dialog_natsii/ (дата обращения: 15.09.2015).
10. Ученые обеспокоены дискурсивной избыточностью в СМИ // Тюменский государственный университет. 2015. 3 сент. URL: <http://www.utmn.ru/presse/novosti/nauka-segodnya/106538/> (дата обращения: 01.09.15).
11. Информационно-аналитическая система Медialogия [Офиц. сайт]. URL: <http://www.mlg.ru/ratings/journalists/3316/1/0/0/> (дата обращения: 05.06.2015).
12. Осытенели // Новая газета. 10.08.2015. <http://www.novayagazeta.ru/columns/69457.html>
13. За советы без большевиков: возможен ли сейчас антипутинский русский национализм? / 16.06.2014 // slon.ru. https://slon.ru/russia/za_sovety_bez_bolshevikov_vozmozen_li_seychas_antiputinskiy_russkiy_natsionalizm-1113455.xhtml
14. Бомба от председателя / 23.03.2015 // The new times. <http://newtimes.ru/articles/detail/96080/>
15. Другая, другое, другие, другой: заметки из Сочи / 19.02.2014 // slon.ru. https://slon.ru/russia/davydov_sochi-1059007.xhtml
16. Обнаружить себя рядом с братьями Куаши / 12.01.2015 // slon.ru. https://slon.ru/russia/obnaruzhit_sebya_gyadom_s_bratyami_kuashi-1203244.xhtml
17. Как не быть сексистом в России? / 19.03.2015 // Медуза. <https://meduza.io/cards/kak-ne-byt-seksistom-v-rossii>
18. Романов А.А. Коммуникативное рассогласование как разновидность прагматического непонимания в диалоге // Понимание и рефлексия: Материалы 1-й и 2-й Тверских герменевтических конференций, 1992. С. 44–48.

19. *Было времечко лихое: почему не надо бояться возвращения в 90-е* / 8.04.2015 // slon.ru. <https://slon.ru/posts/50263>
20. *Главред «Коммерсанта» призывает россиян срочно забирать детей и уезжать из России* / 18.08.2015 // Российский диалог. http://www.rusdialog.ru/news/37337_1439896262
21. *Петров М.К.* Язык. Знак. Культура. М.: УРСС, 2004. 328 с.
22. *Арапова М.А., Кононова А.О.* Особенности актуализации прецедентных ситуаций в русских и американских СМИ [Электронный ресурс] // Сибак. URL: <http://sibac.info/15001> (дата обращения: 04.09.2015).
23. *Выбор Виктора Талалихина: Чего на самом деле добивается Владимир Путин* / 16.02.2015 // slon.ru. <https://slon.ru/posts/1592>
24. *Ген травли: Как обличают творческих людей в России* / 06.07.2015 // slon.ru. <https://slon.ru/posts/53705>
25. *Украинская буржуазная* / 28.02.2014 // Новая газета. <http://www.novayagazeta.ru/columns/62458.html?p=3>
26. *Навстречу prodrazverstke* / 27.02.2015 // <http://www.novayagazeta.ru/columns/67429.html>
27. *То, что начинал Петр Великий, закончилось российским аятоллой* / 10.04.2014 // Новая газета. <http://www.novayagazeta.ru/columns/63195.html>
28. *Мои пять копеек: чудо воплощения, лозунги текущего момента и ценность молчания* / 28.02.2014 // slon.ru. https://slon.ru/russia/moi_pyat_kopeek_chudo_voploshcheniya_lozungi_tekushchego_momenta_i_tsennost_molchaniya-1064029.xhtml
29. *Мюнхенский смех. Почему Путин больше не поедет на Запад* / 09.02.2015 // slon.ru. <https://slon.ru/posts/1578>
30. *«Селигер» не упразднен – он перешел на подпольное положение* / 23.03.2015 // slon.ru. <https://slon.ru/posts/49596>
31. *Отравление внутренней политики* / 06.04.2015 // The new times. <http://newtimes.ru/articles/detail/96738/>
32. *Мои пять копеек: осквернение и воскресение* / 11.04.2014 // slon.ru. https://slon.ru/russia/moi_pyat_kopeek_oscvernenie_i_voskresenie-1083082.xhtml
33. *Мои пять копеек: чудо воплощения, лозунги текущего момента и ценность молчания* / 28.02.2014 // slon.ru. https://slon.ru/russia/moi_pyat_kopeek_chudo_voploshcheniya_lozungi_tekushchego_momenta_i_tsennost_molchaniya-1064029.xhtml
34. *Олимпийское звонкое эхо: что осталось от Игр в Сочи* / 04.02.2015 // slon.ru. <https://slon.ru/posts/1569>
35. *Как мы перестали бояться и полюбили бомбу* / 28.01.2015 // slon.ru. <https://slon.ru/posts/1552>
36. *Мои пять копеек: чудо воплощения, лозунги текущего момента и ценность молчания* / 28.02.2014 // slon.ru. https://slon.ru/russia/moi_pyat_kopeek_chudo_voploshcheniya_lozungi_tekushchego_momenta_i_tsennost_molchaniya-1064029.xhtml
37. *Борьба за Путина* / 22.07.2014 // The new times. <http://newtimes.ru/articles/detail/84874/>
38. *Крым, Россия, Христос воскрес. В Москве отметили годовщину присоединения полуострова* / 18.03.2015 // Медуза. <https://meduza.io/feature/2015/03/18/krym-rossiya-hristos-voskres>
39. *Рогалева Е.А.* Эпатаж в XX веке: теория игры в анализе эпатажа // Вестн. Самар. гос. ун-та. Социология. 2001. № 3. С. 37–39.
40. *Что такое Slon* [Электронный ресурс]. URL: <http://slon.ru/about/> (дата обращения: 29.09.2015).
41. *Дмитрий Муратов: аудитория нашей газеты – интеллигенция* [Электронный ресурс] // Информационный канал Александра Лебедева. 2013. 26 февр. URL: <http://www.alebedev.ru/media/9135.html> (дата обращения: 29.09.2015).
42. *Независимое* коммуникационное агентство Media Impact [Офиц. сайт]. URL: <http://www.mediaimpact.ru/press/the-new-times/793-the-new-times> (дата обращения: 29.09.2015).

PROVOCATIVE DISCOURSE AS AN ALTERNATIVE TO SOCIAL DIALOGUE IN THE FORMATION OF PUBLIC CONSENT

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 6 (38), 183–197.

DOI: 10.17223/19986645/38/14

Mezentseva Alena V., Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kpp@hq.tsc.ru / mezentseva-a@inbox.ru

Keywords: interactive communication, monologue, attitude of audience, social code, intertextuality, self-presentation of author.

The article analyses the transformation of the communicative structure of the publications of modern Russian journalists. As a result of structural-functional and semiotic analysis of texts of top journalists, according to Medialogy website, a tendency to minimize the text structure of dialogue interaction with evident or supposed audience is identified.

Modern information technologies create new prospects for establishing contact between the journalist and the audience. However, the conditions of dialogue communication caused by information streams redundancy and audience diversity change. These processes give a reason to talk about discursive redundancy of the content of the information space. The research of modality of the address of authors to the assumed or potential audience showed that the audience is put in the subordinate position in advance: these are people who do not correspond to journalists' representation by their moral qualities, people with less intelligence and erudition. Thus, the redundant discourse in its logical and emotional saturation should compensate for the unfavorable disposition of the audience in a proposed dialogue.

The authors randomly expand the area of discourses, including historical, political, religious, literary and marginal discourses, besides news, in its structure. On the one hand, it is considered as a demonstration of the actual variety, intellectual breadth of views of the authors. On the other hand, is such plurality of discourses to simplify the problem and to promote the reduction of efforts of the audience to perceive the message?

"Discourse redundancy" is reproduced by typical, popular, sometimes plain social and cultural constructs which are focused on mutual understanding with the audience. One of such constructs is the social code, which was introduced by M.K. Petrov for the indication of the method of fixing the programs of social behavior, communication and activity. The communicative function of the social code is determined by the fact that, being a sign of communicants' semantic fields unification, it performs the function of socio-cultural navigation in the system of publicly expressed authors' reflection.

However, the immersion of audience in discourse redundancy does not assist in the establishment of a progressive dialogue. The constructions of monologue, which are based on the presentation of subjective assessments and opinions of the author, start to dominate.

Quite often personal position comes into conflict with the conventional cultural and moral standards, or provokes their obvious neglect. Such a provocation of public discourse demonstrates the dysfunction of the role of journalism in the achievement of public consent.

References

1. Platonova, D.V. (2011) *Informatsionnoe uchastie i formy ego realizatsii v SMI* [Information participation and forms of its implementation in the media]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistskaia*. 1. pp. 131–141.
2. Prokhorov, E.P. (n.d.) *Dialog kak osnova uchastiia zhurnalistski v formirovanii tolerantnogo obshchestva* [Dialogue as a basis for the participation of journalism in the formation of a tolerant society]. [Online]. Available from: <http://www.tolerance.ru/Dialog-kak-osnova.php?PrPage=SMI>. (Accessed: 10 June 2015).
3. Kudinova, L.V. (2009) *Avtor – tekst – auditoriya: problemy dialoga v publitsistike* [Author – text – audience: the problem of dialogue in journalism]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
4. Duskaeva, L.R. (2012) *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [The dialogic nature of newspaper speech genres]. 2nd ed. St. Petersburg: St. Petersburg State University: Faculty of Philology.
5. Mansurova, V.D. (2002) *Zhurnalistskaya kartina mira kak faktor sotsial'noy determinatsii* [Journalistic picture of the world as a factor of social determination]. Barnaul: Altai State University.
6. Oleshko, V.F. (2000) *Modelirovanie v zhurnalistike: teoriya, praktika, opyt* [Modeling in Journalism: Theory, Practice, Experience]. Ekaterinburg: Ural State University.

7. Kalmykov, A.A. (2009) *Internet-zhurnalistsika v sisteme SMI: stanovlenie, razvitie, professionalizatsiya* [Internet journalism in the media: formation, development, professionalization]. Philology Dr. Diss. Moscow.
8. Vychub, G.S. & Frolova, T.I. (eds) (2008) *Problematika periodicheskoy pechati* [The issues of the periodical press]. Moscow: IMPE im. A.S. Griboedova.
9. Dzhazoyan, A. (2012) *Monolog pressy ili dialog natsii* [Monologue of the press or dialogue of the nation]. [Online]. Available from: http://www.ru.ru/_ruk_articles/ashot_dzhazoyan/monolog_pressy_ili_dialog_natsii/. (Accessed: 15 September 2015).
10. Tyumen State University. (2015) *Uchenye obespekoyeny diskursivnoy izbytochnost'yu v SMI* [Scientists are concerned about the discursive redundancy in the media]. [Online]. Available from: <http://www.utmn.ru/presse/novosti/nauka-segodnya/106538/>. (Accessed: 01 September 2015).
11. Medialogy. The information-analytical system. [Online]. Available from: <http://www.mlg.ru/ratings/journalists/3316/1/0/0/>. (Accessed: 05 June 2015). (In Russian).
12. Novaya gazeta. (2015) *Osyteneli* [Overfed]. [Online]. Available from: <http://www.novayagazeta.ru/columns/69457.html>.
13. slon.ru. (2014) *Za soveti bez bol'shevikov: vozmozhen li seychas antiputinskiy russkiy natsionalizm?* [For the Soviets without Bolsheviks: is currently an anti-Putin Russian nationalism possible?]. [Online]. Available from: https://slon.ru/russia/za_sovety_bez_bolshevikov_vozmozhen_li_seychas_antiputinskiy_russkiy_natsionalizm-1113455.xhtml.
14. The new times. (2015) *Bomba ot predsedatelya* [A bomb from the chairman]. [Online]. Available from: <http://newtimes.ru/articles/detail/96080/>.
15. slon.ru. (2014) *Drugaya, drugoe, drugie, drugoy: zametki iz Sochi* [Others: Notes from Sochi]. [Online]. Available from: https://slon.ru/russia/davydov_sochi-1059007.xhtml.
16. slon.ru. (2015) *Obnaruzhit' sebya ryadom s brat'yami Kuashi* [To find oneself next to the brothers Kuashi]. [Online]. Available from: https://slon.ru/russia/obnaruzhit_sebya_ryadom_s_bratyami_kuashi-1203244.xhtml.
17. Meduza. (2015) *Kak ne byt' seksistom v Rossii?* [How not to be sexist in Russia?]. [Online]. Available from: <https://meduza.io/cards/kak-ne-byt-seksistom-v-rossii>.
18. Romanov, A.A. (1992) [Communicative discrepancy as a kind of pragmatic misunderstanding in dialogue]. *Ponimanie i refleksiya* [Understanding and reflection]. Proceedings of the Tver hermeneutic conferences, 1 and 2. Tver: Tver State University. pp. 44–48.
19. slon.ru. (2015) *Bylo vremekhko likhoe: pochemu ne nado boyat'sya vozvrashcheniya v 90-e* [It was hard time: why not to be afraid to return to the 90s]. [Online]. Available from: <https://slon.ru/posts/50263>.
20. Rossiyskiy dialog. (2015) *Glavred "Kommersanta" prizyvaet rossiyan srochno zabirat' detey i uezhat' iz Rossii* [Chief Editor of Kommersant urgently calls on Russians to take the children and leave Russia]. [Online]. Available from: http://www.rusdialog.ru/news/37337_1439896262.
21. Petrov, M.K. (2004) *Yazyk. Znak. Kul'tura* [Language. Sign. Culture]. Moscow: URSS.
22. Arapova, M.A. & Kononova, A.O. (c. 2103) *Osobennosti aktualizatsii pretsedentnykh situatsiy v russkikh i amerikanskikh SMI* [Features of precedent cases actualization in Russian and American media]. [Online]. Available from: <http://sibac.info/15001>. (Accessed: 04 September 2015).
23. slon.ru. (2015) *Vybor Viktora Talalikhina. Chego na samom dele dobivaetsya Vladimir Putin* [The choice of Victor Talalikhin. What Putin actually wants]. [Online]. Available from: <https://slon.ru/posts/1592>.
24. slon.ru. (2015) *Gen travli. Kak oblichayut tvorcheskikh lyudey v Rossii* [The gene of bullying. How creative people are denounced in Russia]. [Online]. Available from: <https://slon.ru/posts/53705>.
25. Novaya gazeta. (2014) *Ukrainskaya burzhuaznaya* [Ukrainian bourgeois]. [Online]. Available from: <http://www.novayagazeta.ru/columns/62458.html?p=3>.
26. Novaya gazeta. (2015) *Navstrechu prodrazverstke* [Towards the surplus-appropriation system]. [Online]. Available from: <http://www.novayagazeta.ru/columns/67429.html>.
27. Novaya gazeta. (2014) *To, chto nachinal Petr Velikiy, zakonchilos' rossiyskim ayatolloy* [What Peter the Great started, ended with Russian Ayatollah]. [Online]. Available from: <http://www.novayagazeta.ru/columns/63195.html>.
28. slon.ru. (2014) *Moi pyat' kopeek: chudo voploshcheniya, lozungi tekushchego momenta i tsennost' molchaniya* [My two cents: the miracle of the incarnation, the slogans of the moment, and the value of silence]. [Online]. Available from: https://slon.ru/russia/moi_pyat_kopeek_chudo_voploshcheniya_lozungi_tekushchego_momenta_i_tsennost_molchaniya-1064029.xhtml.

29. slon.ru. (2015) *Myunkhenskiy smekh. Pochemu Putin bol'she ne poedet na Zapad* [Munich laughter. Why Putin will no longer go to the West]. [Online]. Available from: [https:// slon.ru/ posts/1578](https://slon.ru/posts/1578).
30. slon.ru. (2015) "*Seliger*" ne uprazhnen – on pereshel na podpol'noe polozhenie ["Seliger" is not abolished – it went underground]. [Online]. Available from: <https://slon.ru/posts/49596>.
31. The new times. (2015) *Otravlenie vnutrenney politiki* [Poisoning of internal policy]. [Online]. Available from: <http://newtimes.ru/articles/detail/96738/>.
32. slon.ru. (2014) *Moi pyat' kopeek: oskvernenie i voskresenie* [My two cents: desecration and resurrection]. [Online]. Available from: https://slon.ru/russia/moi_pyat_kopeek_oskvernenie_i_voskresenie-1083082.xhtml.
33. slon.ru. (2014) *Moi pyat' kopeek: chudo voploshcheniya, lozungi tekushchego momenta i tsennost' molchaniya* [My two cents: the miracle of the incarnation, the slogans of the moment, and the value of silence]. [Online]. Available from: [https://slon.ru/russia/ moi_pyat_kopeek_ chudo_voploshcheniya_lozungi_tekushchego_momenta_i_tsennost_molchaniya-1064029.xhtml](https://slon.ru/russia/moi_pyat_kopeek_chudo_voploshcheniya_lozungi_tekushchego_momenta_i_tsennost_molchaniya-1064029.xhtml)
34. slon.ru. (2015) *Olimpiyskoe zvonkoe ekho: chto ostalos' ot Igr v Sochi* [The Olympic sonorous echo: what is left of the Games in Sochi]. [Online]. Available from: [https:// slon.ru/posts/1569](https://slon.ru/posts/1569).
35. slon.ru. (2015) *Kak my perestali boyat'sya i polyubili bombu* [How we stopped worrying and loved the bomb]. [Online]. Available from: <https://slon.ru/posts/1552>
36. slon.ru. (2014) *Moi pyat' kopeek: chudo voploshcheniya, lozungi tekushchego momenta i tsennost' molchaniya* [My two cents: the miracle of the incarnation, the slogans of the moment, and the value of silence]. [Online]. Available from: https://slon.ru/russia/moi_pyat_kopeek_chudo_voploshcheniya_lozungi_tekushchego_momenta_i_tsennost_molchaniya-1064029.xhtml
37. The new times. (2014) *Bor'ba za Putina* [The struggle for Putin]. [Online]. Available from: <http://newtimes.ru/articles/detail/84874/>.
38. Meduza. (2015) *Krym, Rossiya, Khristos voskres. V Moskve otmetili godovshchinu prisoeдинeniya poluostrova* [Crimea, Russia, Christ is risen. Moscow celebrated the anniversary of joining the peninsula]. [Online]. Available from: <https://meduza.io/feature/2015/03/18/krym-rossiya-hristos-voskres>.
39. Rogaleva, E.A. (2001) *Epatazh v XX veke: teoriya igry v analize epatazha* [Epatage in the twentieth century: the theory of games to analyze epatage]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya*. 3. pp. 37–39.
40. slon.ru. (n.d.) *Chto takoe Slon* [What Slon is]. [Online]. Available from: <http://slon.ru/about/>. (Accessed: 29 September 2015).
41. News channel of Alexander Lebedev. (2013) *Dmitriy Muratov: auditoriya nashey gazety – intelligentsiya* [Dmitry Muratov: the audience of our newspaper is the intelligentsia]. [Online]. Available from: <http://www.alebedev.ru/media/9135.html>. (Accessed: 29 September 2015).
42. An independent communications agency Media Impact [official site]. [Online]. Available from: <http://www.mediaimpact.ru/press/the-new-times/793-the-new-times>. (Accessed: 29 September 2015). (In Russian).